

Вымытые дочиста нектарины только что достали из прозрачной прохладной воды; круглые, сочные и налитые соком, они манили к себе своей багряной, глянцевой и гладкой кожицей, которая ничуть не колола пальцы.

Когда тарелка спелых багровых нектаринов была водружена на стол, Чанся тоже примостился у края столешницы.

Эти персики привезла с собой тётушка Пэй Ютан; в свои тридцать пять лет она была замужем за Ли Юнцином из соседней деревни Лицзя.

В ту пору, когда она выходила замуж, семейство Пэй перебивалось с хлеба на воду, а супруги Доу Цзиньхуа и Пэй Цзаоань были людьми честными и простодушными, так что и для дочери партию подобрали под стать — из своего же крестьянского сословия. А главное — сам Ли Юнцин и его родители оказались на редкость добросердечными и совестливыми людьми.

По крайней мере, за столько лет замужества Пэй Ютан ни разу в жизни не была бита мужем; со свекром и свекровью она разве что изредка спорила по мелочам, но до крупных скандалов и криков дело никогда не доходило. И пусть жили они бедновато, зато вся семья дышала в один шаг и держалась дружно.

Да и судьба наградила её детьми на славу: она родила двоих сыновей и одного шуанъэра. Старший сын был всего на год младше Пэй Яо — в свои пятнадцать он уже стал незаменимым помощником и вовсю тянул на себе добрую половину домашнего хозяйства.

Второму сыну исполнилось двенадцать — подросток, ростом с пол-мужика, характером пошел весь в отца: говорить не любил, но в работе отличался недюжинным усердием.

А вот самому младшему едва исполнилось девять лет, и по сравнению с детьми других односельчан он рос редкостным сорванцом и непоседой. В последние дни он окончательно заездил мать своими капризами, отчего у той голова шла кругом, так что сегодня она решила не брать младшего сорванца с собой в отчий дом.

В деревне Лицзя раскинулись знатные нектариновые сады, и едва ли не каждый тамошний хозяин держал у себя во дворе несколько деревьев. Их семья не была исключением, и каждый год, едва нектарины наливались спелостью, женщина обязательно везла корзину-другую в подарок родительскому дому.

Стоило надкусить этот гладкий плод, как взору открывалась сочная желтая мякоть — нежная, тающая на языке и приторно-сладкая.

В саду у Ли росло два сорта нектаринов. Те, что поспели к нынешним дням, были мягкими и нежными, а вот хрустящие персики со второй пары деревьев можно будет снимать лишь недели через две.

Пэй Ютан без умолку болтала, попутно сунув в руки Чанся пару самых крупных плодов, и юноша так и остался сидеть рядышком, мирно и безмолвно лакомясь угощением.

На улице стояла жара, так что двери главного зала были распахнуты настежь, и в комнату то и дело врывались благодатные порывы летнего ветерка.

Доу Цзиньхуа посидела с дочерью какое-то время, но вскоре её окончательно сморил предполуденный сон, и Пэй Ютан ласково уговорила старушку пойти прилечь отдохнуть.

Пэй Цзаоань и Пэй Юва сегодня в поле не пошли, однако в разговоры Чэнь Чжи и Пэй Ютан они вникать не стали. Посидев для приличия немного и расспросив гостью о житье-бытье в семействе Ли, мужчины поднялись и разошлись каждый по своим неотложным делам.

Спустя некоторое время из лавки вернулся Пэй Яо, принеся купленное мясо, и Чэнь Чжи велел Чанся ступать на кухню — заняться нарезкой мяса и овощей к обеду.

Пэй Яо взял со стола спелый нектарин и, весело уплетая его за обе щеки, с улыбкой принялся болтать с тетушкой о всяких пустяках.

Пэй Ютан души не чаяла в своем родном племяннике и нянчилась с ним как с величайшей драгоценностью. У её старшего брата с супругом этот мальчишка был единственным ребенком — род их был слишком уж малочисленным, но, слава богам, парень вырос целым и невредимым, да к тому же вымахал статным, пригожим и высоким красавцем.

— Я сейчас заглянул в чан, а там воды на самом доньшке осталось. На готовку обеда точно не хватит, так что пойду-ка я принесу свежей, — доев нектарин, с улыбкой проговорил Пэй Яо и поднялся с места.

Чэнь Чжи согласно кивнул:

— Ступай.

Оба проводили взглядом Пэй Яо, который подхватил во дворе коромысло с ведрами и скрылся за калиткой. Едва он ушел, Пэй Ютан понизила голос и с лукавой улыбкой спросила:

— Чэнь Чжи, ты еще не уладил дела с детьми? Что ж вы свадьбу всё никак не сыграете?

Чэнь Чжи бросил быстрый взгляд во двор, без слов предостерегая золовку от лишних ушей. Переставив тарелки с пирогами и чайник в западную комнату, они оставили блюдо с персиками на столе в главном зале — чтобы каждый желающий мог преспокойно угоститься в любое время.

Устроившись на кане, Чэнь Чжи наконец тяжело, сокрушенно вздохнул.

На днях Чжао Цинь тоже заводила с ним этот разговор: мол, Чанся и Пэй Яо уже вошли в лета, так что свадьбу пора бы сыграть и дело с концом.

Когда Пэй Яо исполнилось пятнадцать лет, они с Пэй Юва держали совет на этот счет, но тогда парень показался им слишком уж юным и несмышленным. Супруги решили обождать года два, пока его буйный нрав поутихнет и он наберется мужской степенности — тогда-то и под венец вести будет не поздно.

В их государстве Великая Ся законы о браке и союзах были куда более свободными и мягкими, нежели при прежней династии. Если парню или шуаньэру исполнялось двадцать четыре года, а они всё ещё не были в браке, за дело принималась казенная сваха-гуаньмэй, которая выступала посредницей и помогала молодым найти долю, однако никакого насильственного, принудительного распределения супругов по указке сверху не существовало.

Так что возраст, в котором дозволялось вступать в брак, вовсе не считался критическим или поздним.

Не говоря о других краях, в их глухих деревнях к сватовству да смотринам обычно приступали

лет в пятнадцать-шестнадцать, ведь само это «присматривание» и выбор подходящей партии — дело долгое, требующее времени и терпения.

И пока суть да дело, к моменту самой свадьбы новобрачным как раз исполнялось года по восемнадцать-девятнадцать.

Таков был заведенный веками порядок.

Но стоило парню, девушке или шуаньэру перешагнуть порог двадцатилетия, как за их спинами неизбежно начинали ходить грязные деревенские сплетни и косые взгляды.

Вот только Чанся-то был приемышем, взятым в дом с малых лет в качестве будущего супруга.

А у таких приемышей — будь то будущая жена или будущий фулан — разница в возрасте с законными детьми была делом самым что ни на есть обыденным.

Между Чанся и Пэй Яо разница была еще совсем пустяковой; в иных домах бывало так, что купленная девчонка оказывалась старше малолетнего сынка на добрых восемь, а то и десять лет.

Именно поэтому в прошлом году, когда Чанся стукнуло восемнадцать, Чэнь Чжи и Пэй Юва ничуть не беспокоились.

К тому же эти двое в повседневной жизни почти не общались и вместе не играли: один рос буйным и дерзким сорванцом, а второй — нелюдимым молчуном, словно глухая тыква. Откуда им было знать толк в делах сердечных?

В глазах старших членов семьи Пэй Яо и Чанся по-прежнему оставались сущими детьми; и пусть они выросли и вытянулись в полный рост, во всех их повадках сквозила детская наивность.

Так что никто из взрослых семейства Пэй до поры до времени не обращал ни малейшего внимания на то, как уживаются между собой эти двое под одной крышей.

И надо же было такому случиться, что в нынешнем году его словно обухом по голове ударили, напомнив, что детей-то пора бы и сосватать. Только тогда Чэнь Чжи с опозданием осознал всю серьезность положения.

Он и сам подумывал было завести об этом разговор в присутствии Пэй Яо и Чанся, однако, понаблюдав за ними в последние дни, с ужасом обнаружил, что отношения между ними не просто натянутые — они были из рук вон скверными.

И эта мысль повергла его в полное уныние.

Прежде он просто не присматривался, но теперь Чэнь Чжи отчетливо видел: Чанся буквально тенью шарахается от Пэй Яо, обходя его по самой дальней дуге. Он и без того рос пугливым малым, а в последнее время и вовсе ходил с таким затравленным и робким видом, что смотреть было больно.

Да и Пэй Яо хорош! При каждом удобном случае воротит от Чанся нос и ходит с такой кислой, недовольной миной, словно тот у него сто лянов серебра выкрал да отдавать не думает.

Впрочем, Чэнь Чжи знал своего сына как облупленного: в детстве тот хоть и рос редкостным

сорванцом, но, стоило им выйти за порог усадьбы, всегда горой стоял за Чанся и оберегал его от чужаков.

Чэнь Чжи никак не мог взять в толк, какая кошка пробежала между ними теперь. Ему безумно хотелось расспросить их обо всем начистоту, но он прекрасно понимал: выпытывать что-то у забитого Чанся — дело совершеннодохлое и бесполезное.

Возможно, виной тому было укоренившееся в его душе предубеждение, но едва между детьми вспыхивала размолвка, папа всегда и во всем винил исключительно Пэй Яо.

Чанся был слишком честным, тихим и послушным малым, он в жизни ни единой живой души не обидел, а потому его вины в этой ссоре быть просто не могло.

Но начини он расспрашивать сына — и упрямый, гордый характер Пэй Яо тут же взбунтуется, и парень возненавидит бедного Чанся еще пуще прежнего.

Точно так же всё вышло и в тот самый год, когда Чанся только появился в их доме.

Малыш Чанся тогда всего-то и хотел, что уберечь названного брата от беды — не пускал Пэй Яо купаться на большую реку, где глубина была омут на омуте. Но разве этот чертенок послушается? Он мало того что наплевал на запреты, так еще и с силой толкнул хрупкого Чанся, отчего тот со слезами на глазах прибежал жаловаться домой.

Чэнь Чжи тогда самолично поймал Пэй Яо у самой кромки воды, притащил за шиворот в дом и всыпал ему по первое число.

Кто бы мог подумать, что этот мелкий негодник в свои пять-шесть лет окажется настолько злопамятным! Добрых два или три месяца он и смотреть не желал в сторону Чанся, предпочитая играть исключительно со смазливymi девочками и шуаньэрами из чужих семей.

Пэй Яо с пеленок рос на редкость пригожим ребенком, да и язык у него был подвешен отменно — он без устали рассыпался в комплиментах, нахваливая чужую красоту.

Простодушные, искренние восторги маленького ребенка ласкали слух даже взрослым, так что среди деревенской детворы Пэй Яо неизменно оставался всеобщим любимцем. Стоило ему захотеть с кем-то поиграть — и перед ним открывались любые двери.

Слово за словом, увлекшись воспоминаниями о проказах маленького Пэй Яо, Пэй Ютан и Чэнь Чжи дружно рассмеялись.

Сделав по несколько глотков ароматного чая, Чэнь Чжи призадумался, и в его голове вдруг начала вырисовываться истинная суть вещей.

Он слишком хорошо знал главную слабость своего сына — этот паршивец с пеленок обожал всё самое красивое и ладное.

И пусть после десяти лет он заметно поумерил свой пыл и перестал крутиться около красивых девушек, но, как гласит народная мудрость: «Реки и горы сменить легко, а вот природу человека — невозможно».

И чем дольше он размышлял над этим, тем больше убеждался в своей правоте.

Выслушав эти доводы, Пэй Ютан лишь со вздохом рассмеялась:

— Ну и ну! Мало того что этот малец упрям как сто ослов, так еще и характер у него с изъяном. В семейной-то жизни с лица воду не пить, красотой сыт не будешь! Да к тому же, если приглядеться, наш Чанся лицом-то тоже вовсе не дурен.

Чэнь Чжи тоже тяжело вздохнул.

Двое ломая голову над женитьбой Пэй Яо, не на шутку распереживались, то и дело принимаясь охать да ахать от избытка чувств.

К тому времени, как Чанся полностью управился с готовкой обеда и они вышли из флигеля, между ними уже было достигнуто тайное соглашение: они решили поручить Пэй Ютан втихомолку присмотреться к местным женихам и невестам. И если в округе действительно сыщется достойная партия, то союзу Пэй Яо и Чанся не бывать — им обоим подыщут новые семьи на стороне.

По твердому убеждению Чэнь Чжи, уж лучше пускай они вообще не связывают свои судьбы узами брака, чем в будущем превратятся в заклятых врагов, ненавидящих друг друга до конца дней.

В годы его юности, когда сам он еще не был замужем и жил в родной деревне Чэньцзя, была там одна семья. Двое отцов отличались крутым и властным нравом и насильно женили своего единственного сына на девушке, к которой у того душа совершенно не лежала.

Невеста та была на редкость добродушной, кроткой и работающей девицей — в любой другой семье они бы жили душа в душу, и, если бы супруги держались вместе, их хозяйство с каждым годом лишь процветало бы.

Но вот законный сын тех хозяев невзлюбил молодую жену до глубины души. О том, чтобы делить с ней ложе, не было и речи; да что там постель — стоило бедняжке просто захотеть постирать его грязную рубаху, как он с кулаками бросался на неё, запрещая притрагиваться к своим вещам. Скандалы в том доме вспыхивали каждые три дня по мелкому поводу и каждые пять дней — по крупному, сокрушая всё вокруг и подняв на уши всю округу.

Однако непреклонные старшие решили проявить характер: они заперли молодых в одной комнате наглухо, рассудив, что стоит девушке забеременеть и родить дитя — и буйный нрав сына сам собой поутихнет.

Кто бы мог подумать, что парень окажется настолько молодым, горячим и упрямым! В порыве ярости он с разбегу бросился на стену и разбил себе голову в кровь, но так и не покорился воле родителей.

Пока перепуганные отцы спасали окровавленного сына, несчастная невестка от безысходности и позора пошла да и накинула на шею петлю в амбаре — благо, люди вовремя подросли и вытащили её с того света.

Эта дикая история едва не унесла две молодые жизни. Добрых полгода не только в их деревне Чэньцзя, но и во всех окрестных селах люди без умолку судачили об этом кошмаре, и каждый первый со вздохом признавал: в делах супружества насильно мил не будешь, суженого силой не удержишь.

После того как молодые со скандалом разошлись, сын тех хозяев до тридцати лет так и не женился, пока на исходе сил не взял в дом нищего, познавшего бездну горя вдовца-фулана. Что же касается той несчастной девушки, то, поговаривали, она вернулась в отчий дом, а года

через два её выдали замуж в какую-то несусветную глушь, и след её затерялся навсегда.

Чэнь Чжи запомнил этот случай на всю оставшуюся жизнь.

В те поры он был еще совсем молодым, и когда та бедная девушка пошла вешаться в лесу за деревней, именно они с его вторым братом случайно набрали на неё и в полной панике, ломая ногти, успели вытащить несчастную из петли.

И теперь, видя, как Пэй Яо и Чанся буквально на дух не переносят друг друга, его сердце сжималось от липкого, ледящего душу ужаса.

Как ни крути, за столько-то лет они вырастили Чанся из тощего, заморенного голодом крошечного ростка в такого славного молодого человека. Сердце человеческое — не каменная глыба, и смотреть на то, как Чанся изо дня в день терпит обиды и презрение со стороны названного брата, у него просто не хватало никаких сил.

И ладонь, и тыльная сторона руки — всё едино своя плоть, как же он может собственными глазами смотреть на то, как двое его детей под конец превратятся в заклятых врагов?

Если же они сыграют свадьбы с другими людьми на стороне, то, глядишь, смогут всю жизнь прожить в мире и согласии, как добрые старший и младший братья.

И пускай Пэй Яо отродясь не называл Чанся старшим братом.

*

Окончив трапезу, Пэй Ютан задерживаться не стала.

Её муж Ли Юнцин вместе со старшим сыном уехали в городок торговать нектаринами; вернувшись с рынка, им предстояло разгрузить остатки урожая и развезти гостинцы по другим родственникам.

У Пэй Юва как раз выдалась свободная минутка, так что он запряг ослика в повозку и вызвался лично отвезти сестру до дома — негоже ей в одиночку пылить по глухим дорогам.

Устраиваясь на телеге и бросив прощальный взгляд на Чанся и Пэй Яо, Пэй Ютан ничем не выдала своих чувств, но в глубине души лишь тяжело, сокрушенно вздохнула.

Хоть Чанся и был купленным ребенком, но вырос на её глазах, так что в её сердце жила к нему неизменная, теплая привязанность.

Такой послушный малый, отродясь никаких пакостей не устраивал и капризов не выказывал, характер его и нрав все домашние знали как свои пять пальцев — для семейной жизни лучшего супруга-фулана и желать не надо! Но надо же было такому случиться, что этот паршивец Пэй Яо изводит беднягу почему зря, даже доброго взгляда ему не подарит.

Что же касается самого этого дела с «присматриванием» новой партии, то и она, и Чэнь Чжи прекрасно понимали всю подноготную.

Говоря начистоту, с такой-то завидной внешностью и в самом подходящем возрасте для Пэй Яо невесту или фулана можно было найти в мгновение ока — отбоя от предложений не будет. А вот за Чанся сердце кровью обливало.

Чэнь Чжи не желал выдавать приемыша в первую попавшуюся нищую избу; семья должна быть

как минимум справной и ровней их дому — чтобы и дом был крепким, и наделы земли жирными, и скотина на подворье имелась.

В их доме Чанся за столько лет отродясь голода не знал, так неужто, выскочив замуж, он будет возвращаться в гости к родителям с урчащим от голода животом?

*

Поскольку дело было только-только доверено сестре и никаких вестей с той стороны еще не поступало, Чэнь Чжи решил до поры до времени не тревожить остальных домочадцев.

Если они действительно решат выдать Чанся в чужой дом, то оправдаться перед односельчанами за его статус «тунъянси» (наречённый с малых лет муж/жена) будет проще простого.

В конце концов, в общении между Чанся и Пэй Яо всегда соблюдалась строжайшая, кристально чистая дистанция; они никогда не позволяли себе лишней близости и вели себя по отношению друг к другу со всей возможной учтивостью и благопристойностью.

Деревенские жители ведь тоже не слепые, у каждого глаза на месте, и все прекрасно видели, что между ними ничего нет — не случайно ведь многие втайне уже подумывали заслать свах к красавцу Пэй Яо.

*

Тем временем глухая ярость и обида на то, что Чанся посмел выказать строптивость и непослушание, вспыхнули в душе Пэй Яо без какого-либо видимого повода — это была сущая, неприкрытая мальчишеская блажь.

И Пэй Яо прекрасно отдавал себе в этом отчет.

Он честно пытался выкинуть Чанся из головы и не обращать на него внимания, надеясь, что это глупое любопытство и безумный порыв утихнут сами собой.

Законы приличия он знал твердо: если уж и совершать какие-то безумные, выходящие за рамки дозволенного поступки, то делать это надлежит лишь после того, как будет сыграна законная свадьба.

Едва в его мыслях всплыло слово «свадьба», в душе юноши воцарился неожиданный, благодатный покой.

Подумать только: помогать своему законному суженому таскать тяжелые бамбуковые корзины — разве это не священный долг любого мужчины? Пожалуй, глупо было устраивать из-за этого такие бурные сцены и срывать на нем злость.

Да и их отношения с Чанся с самого начала в корне отличались от того, как деревенские парни заискивают и крутятся ужом перед девушками да шуаньэрами.

Однако Пэй Яо вдруг с удивлением обнаружил, что Чанся начал целенаправленно и испуганно избегать его.

А поскольку характер у юноши и без того был вспыльчивым и гордым, его лицо с каждым божьим днем становилось всё мрачнее и чернее грозовой тучи, а во взгляде, который он то и

дело бросал на брата, теперь сквозило лишь глухое, непреклонное раздражение.

<http://bllate.org/book/17875/1725676>